

СОЦИОЛОГИЯ МОРАЛИ

КОГДА ОСКОРБЛЕНИЕ ВОСПРИНИМАЕТСЯ КАК ШУТКА? ПЕРСОНАЛЬНЫЕ И СИТУАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ОТКЛЮЧЕНИЯ МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СВИДЕТЕЛЯ КИБЕРБУЛЛИНГА

Оксана Рудольфовна Михайлова
(oxanamikhailova@gmail.com)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Михайлова О.Р. (2019) Когда оскорбление воспринимается как шутка? Персональные и ситуативные факторы отключения моральной ответственности свидетеля кибербуллинга. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(2): 55–92. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.2.3>

Аннотация. Статья посвящена результатам экспериментального исследования факторов обиденного приписывания различных типов мотивации свидетелями кибербуллинга как одного из возможных механизмов отключения моральной ответственности. Предполагалось, что на процесс приписывания мотива поведения влияют личностные характеристики автора коммуникативного продукта (сообщения) и психологические особенности самого участника эксперимента. Персональные факторы были отобраны на основе исследований поведения свидетеля кибербуллинга, ситуативные — по результатам предыдущих исследований с использованием атрибутивного подхода к объяснению обиденного мышления. Проверка гипотез осуществлялась при помощи факторного эксперимента, проводившегося в августе 2018 г. в группах студентов российских вузов в социальной сети «Вконтакте». Выборка составила 460 человек, использовался межсубъектный экспериментальный план с 12 сценариями. По итогам исследования было выявлено, что чем выше у человека уровень нарциссизма, тем более он/она склонен относить к кибербуллингу агрессивное поведение онлайн-пользователя. Люди с высокими показателями по шкалам макиавеллизма и психопатии относят аналогичное поведение незнакомца к троллингу. Возраст и нарциссизм автора сообщения также оказались значимо связанными с процессом приписывания мотивов. Полученные результаты исследования расширяют наши знания о поведении свидетеля кибербуллинга в русскоязычном сегменте сети Интернет.

Ключевые слова: кибербуллинг, свидетель кибербуллинга, троллинг, атрибутивный подход, факторный эксперимент, отключение моральной ответственности.

В 1980-х годах произошли серьезные технологические изменения СМИ: возник Интернет (Valkenburg, Peter, Walther 2016). Интернет-коммуникация отличается от традиционных коммуникативных средств асинхронностью (наличие временных зазоров между репликами людей), перманентностью (доступность оригинального содержания коммуникации для большого количества людей в течение длительного времени), степенью публичности (возможность коммуникации с широкими группами лиц), доступности (распространение и доступ к контенту вне зависимости от географического положения), анонимности (возможность сокрытия собственной личности), квантифицированностью (коммуникация становится измеримой лайками, твитами и другими индикаторами, в некоторых случаях на них ориентируется) и визуальностью (в социальных сетях большое значение придается визуальному контенту) (Nesi, Choukas-Bradley, Prinstein 2018). Эти изменения привели к трансформации процессов коммуникации: продолжая распространяться на широкие массы людей, информация начинает потребляться селективно. Это означает, что восприятие коммуникативных сообщений становится более вариативным и менее предсказуемым как для производителей, так и для потребителей медиа-контента. Кроме того, новые платформы коммуникации привели к появлению множества до этого не существовавших форм социального поведения и изменили сущность старых. В связи с этим в научной литературе стали обсуждаться негативное и позитивное влияние социальных медиа на жизнь социума. Изначально многие авторы были позитивно настроены по отношению к эффектам Интернета на социальную жизнь (Valkenburg, Peter, Walther 2016). Так, М. Кастельс назвал новый формат коммуникации массовой селф-коммуникацией и определил как контрсилу против институционализованных властных отношений, существующих в обществе. Этот социолог считал, что Интернет может стать средством протеста в руках социальных движений и активных единичных акторов (Castells 2007: 247–250).

Однако впоследствии аналитики стали считать эффекты интернет-коммуникации гораздо более противоречивыми и неоднозначными (Nesi, Choukas-Bradley, Prinstein 2018). С одной стороны, социальные сети делают взаимодействие более гибким, дают возможность привлечь внимание к проблеме широкого круга лиц и обеспечить доступ к социальной поддержке, увеличивают возможности самораскрытия для людей с тревожными расстройствами и расширяют модальности коммуникации. С другой стороны, социальные сети несут риски, связанные с неопределенностью. Импульсивно высказанное мнение мгновенно схватывается и остается в памяти широкого числа людей. Масштаб сплетен и сравнений приоб-

ретают более продолжительный временной характер и широкий географический охват, создается ощущение доступности помощи и поддержки, возникает легкость некорректной интерпретации намерений Другого. Желание увеличить свой «количественный» статус (статус, измеренный в лайках, просмотрах и других цифровых показателях) может вести к раскрытию персональной информации, провоцируя рискованное поведение. Перечисленные позитивные и негативные эффекты социальных медиа, позволяют заключить, что, с одной стороны, цифровые медиа могут предоставлять возможности для роста моральной поддержки, уменьшая персональные затраты на оказание этой поддержки, с другой стороны, социальные сети могут уменьшать социальные преимущества, снижая вероятность того, что восстанавливающие нормативный порядок сообщества достигнут цели и могут даже увеличивать социальные издержки, провоцируя дезинтегративные настроения среди онлайн-пользователей (Crockett 2017).

К типам онлайн-поведения, которые возникли в связи с распространением Интернета, относится кибербуллинг (травля). В мире постоянно увеличивается количество случаев кибербуллинга в социальных сетях (Kugiasou, Zuin 2016: 1, 2). Жертвы кибербуллинга сообщают о депрессивных состояниях, понижении самооценки, бессоннице, потере аппетита, чувстве изолированности от общества, фиксируются попытки суицида. Ряд социально-психологических исследований показывает, что уменьшить вред кибербуллинга для жертвы может свидетель (Hayes, 2018: 2; Mishna et al. 2011). В связи с этим в последние годы в исследованиях кибербуллинга (Hayes 2018: 2) и в социальных программах, направленных на борьбу с кибербуллингом, стали придавать особое значение поведению свидетеля (Pieschl, Kourteva, Stauff 2017: 45), поскольку свидетель может снижать серьезность последствий кибербуллинга для жертвы посредством разговора с жертвой и / или агрессором (Gahagan, Vaterlaus, Frost 2016: 1102–1103). Беседа с жертвой обычно направлена то, чтобы снизить эмоциональные эффекты от кибербуллинга, причем разговор с агрессором, может быть разным по степени агрессивности и публичности. В общем такой разговор направлен на то, чтобы убедить кибербулли перестать вредить жертве.

Несмотря на то что беседа с жертвой или с агрессором может приостановить течение конфликта, не всегда свидетель решает вмешаться в кибербуллинг. Гахаган, Ватерлаус и Фрост обнаружили, что 61 % студентов, которые стали свидетелями кибербуллинга, не вмешались в ситуацию (Gahagan, Vaterlaus, Frost 2016). Невмешательство свидетеля в кибербуллинг не только затрудняет исследование этого типа интернет-поведения

нерактивными методами, но и влияет на жизнь участников конфликта. Исследователь, сталкиваясь с необходимостью интерпретации поведения онлайн-пользователя, не может корректно идентифицировать мотивы актора, в частности потому, что остается неясным, что именно означает бездействие свидетеля. Возможно, человек не принял всерьез ситуацию и не отнес ее к кибербуллингу или бездействию — результат сознательно-го нежелания вмешиваться в конфликт. Таким образом, возникает необходимость узнать мотивацию онлайн-пользователя. Сделать это можно, в частности, посредством прямого вопроса. В случае качественных исследований кибербуллинга возможность получения социально не одобряемых ответов ограничена, поскольку свидетели нередко чувствуют свою вину за бездействие (Gahagan, Vaterlaus, Frost 2016: 1097). Соответственно тема идентификации для них является сензитивной. Подобная ситуация характерна и для других типов буллинга и вынуждает придумывать методологические приемы для снижения напряженности обстановки. К примеру, А. Холявин в исследованиях дискурсов и практик сексуального буллинга среди подростков для решения проблем с доверием, групповым конформизмом и воспроизводством общепринятых представлений о буллинге предлагает внедрить в фокус-группы элементы ролевой игры и стимуляций (Холявин 2016).

Наше исследование вносит вклад в изучение поведения свидетелей кибербуллинга. Цель работы состояла в том, чтобы понять, как свидетель кибербуллинга осуществляет атрибуцию мотива в зависимости от собственных личностных черт и личностных (персональных) характеристик автора сообщения. Проблему сензитивности качественных исследований кибербуллинга мы частично решаем через проведение факторного эксперимента, поскольку нивелируется эффект интервьюера. Факторные эксперименты нередко используются для изучения процессов производства разного рода суждений и оценок, поскольку позволяют непосредственным образом фиксировать причинно-следственные связи. В российской социологической традиции такие эксперименты активно проводились для изучения обыденного восприятия дистрибутивной справедливости и моральной ответственности (Абрамов, Девятко, Кожанов 2011; Девятко 2011; Девятко, Гаврилов 2015). Наша работа также строится в логике атрибутивного подхода. Мы предлагаем респонденту оценить мотивы другого онлайн-пользователя, который написал сообщение на странице своего знакомого.

В качестве альтернативы мотиву причинения вреда выступает мотив троллинга (как желание просто посмеяться над адресатом). Наше исследование основано на предположении, что идентификация действия кибер-

булли как троллинга может быть более или менее осознанной стратегией отключения моральной ответственности, потому что свидетели, которые не вмешиваются в кибербуллинг, используют эвфемизмы для снижения серьезности ситуации (Kyriacou, Zuin 2016: 7). Учитывая, что на вмешательство свидетеля в кибербуллинг влияют ситуативные и персональные факторы (Gahagan, Vaterlaus, Frost 2016: 1098), мы варьируем характеристики страницы автора сообщения. При подборе ситуативных факторов, которые могут влиять на процесс атрибуции мотива мы руководствовались атрибутивной теорией оценки человеческого поведения в психологии, которая иногда используется для объяснения обыденного восприятия в социологии знания (Девятко, Гаврилов 2015). Атрибутивная теория в психологии, основы которой заложил Хайдер (Heider 1958) и развили другие теоретики (Schachter 1964; Jones, Davis 1965; Kelley 1967; Bem 1972; Weiner 1985), опирается на два положения, которые способны объяснить способы приписывания мотивов индивиду (Wegener, Petty 1998: 1–2). Первое — люди склонны объяснять поведение других. Их объяснения могут включать элементы научных теорий. Соответственно при интерпретации поведения другого человека оценки обычных людей могут совпадать с выводами ученых. Второе — это предположение о том, что оценки, которые люди выносят, могут влиять на их собственное поведение.

Последние статьи, написанные в рамках атрибутивной теории, показывают, что индивиды оценивают поведение других исходя из мотивов, а персональные характеристики выступают в качестве второй группы факторов, влияющих на принятие решений (Böhm, Pfister 2015). Использование атрибутивной теории, таким образом, означает, что из научных исследований выбираются те факторы, которые обычно ассоциируются с поведением кибербулли или тролля. Обусловлено это предположением, что обычные люди также посчитают эти факторы связанными с поведением тролля или кибербулли и припишут мотив поведения субъекту исходя из его личностных характеристик. В качестве ситуативных факторов, которые могут повлиять на процесс приписывания, в нашем исследовании выступили социодемографические характеристики (возраст и пол), а также психологический концепт нарциссизма автора сообщения. Для того чтобы учесть влияние личностных характеристик свидетеля на процесс идентификации, мы измеряем значения по тесту личностной диагностики «Темная триада» у респондентов.

Исследования, проводившиеся ранее для изучения троллинга и кибербуллинга, не сопоставляли эти понятия в сознании обычного интернет-пользователя. Троллинг и кибербуллинг активно анализировались в том числе российскими исследователями (Акулич 2012). Но до сравнения

в рамках эмпирического исследования дело не доходило, поэтому наша работа, позволяет внести вклад в разграничение троллинга и кибербуллинга не только на теоретическом уровне, но и на эмпирическом.

Кроме того, в РФ принята «Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 г.», призванная также найти способы обеспечения безопасности ребенка в Интернете (Голованова 2018). В связи с этим наша работа может иметь выраженное практическое значение, поскольку понимание концептуальных границ между троллингом и кибербуллингом необходимо и с точки зрения выработки концепций защиты несовершеннолетних российских граждан от агрессивного поведения в Интернете.

В первой части статьи раскрываются применяемые определения троллинга, кибербуллинга и методологический инструментарий, использовавшийся для измерения данных типов поведения, а также факторы, которые могут быть связаны с процессом приписывания мотивов поведения. Во второй части приводятся результаты экспериментального исследования. В заключении обсуждаются выводы, сделанные по результатам эксперимента.

Концептуализация троллинга и кибербуллинга в российской и зарубежной литературе

В России кибербуллинг изучался психологами, юристами, журналистами, лингвистами, социологами и философами-религиоведами.

Наиболее обширный вклад в концептуализацию и анализ распространенности кибербуллинга в России внесли психологи, протестировавшие шкалы кибербуллинга, предложенные зарубежными коллегами, на российских выборках. Кибербуллинг и троллинг они относят к агрессивному интернет-поведению и не разграничивают между собой на теоретическом (Бочавер, Хломов 2014) и эмпирическом (Солдатов, Чигарькова, Львова 2017) уровнях. Отсутствие демаркации между кибербуллингом и троллингом ведет к тому, что выводы о мотивах, которые приписываются онлайн-поведению, становятся смешанными и неточными. В то же время теми же психологами обнаруживается, что существует связь между типом шутки и использованием шутки в ходе кибербуллинга, в частности оказалось, что кибербуллинг в основном направлен на телесность подростков (Погонцева 2019). Соответственно, несмотря на то что различию между троллингом и кибербуллингом российскими психологами в целом не придается значения, разница между типами поведения может возникать латентно на уровне прокси-переменных, как в случае с типами шуток.

Российские психологи используют не только анкетные опросы для изучения феномена кибербуллинга, но и экспериментальные исследования (Баранов, Рожина 2017) и исследования случая (Баранов, Рожина 2016), но преимущественно они не касаются детерминант восприятия свидетелем. Авторы занимаются диагностическими замерами распространенности кибербуллинга, в результате чего приписывают роли агрессора, жертвы и свидетеля на основе факторного и кластерного анализов (Зинцова 2014). С одной стороны, когда психолог приписывает роль сам, он включает в исследование и тех подростков, которые, скорее всего, не могут сами назвать себя кибербулли, с другой стороны, любое внешнее приписывание отбирает субъектность у эмпирического объекта, что может привести к некорректной интерпретации поведения. В нашем исследовании мы не приписываем роли подросткам, эту задачу мы оставляем на откуп самим респондентам, таким образом приближая экспериментальную ситуацию к естественной.

Журналистская и филологическая литература фокусируется на особенностях речевого поведения, которые демонстрируются людьми, вовлеченными в кибербуллинг, а также на информационной среде как пространстве для кибербуллинга (Курьянович 2017). Религиоведческие работы, как правило, имеют проактивный характер и направлены на выработку конкретных мер работы с участниками кибербуллинговых взаимодействий. Они опираются на социологические, лингвистические и психологические исследования. Иеромонах Тихон, например, не только предлагает пути решения проблемы, но и дает их оценку с точки зрения православного мировоззрения (Васильев 2016). Юридические исследования кибербуллинга носят не эмпирический характер, а скорее нормативно-рекомендательный, в статьях описываются угрозы, которые несет цифровая среда для подростка. Также поднимаются вопросы противоречия правовых возможностей, существующих у гражданина: с одной стороны, возникает свобода выражения мнения, с другой — моральная неприемлемость некоторых высказываний, которые порождаются интернет-пользователями (Иванова, Степанов, Немчинова 2018). В российской социологической литературе ведется работа с терминологией и предлагаются меры поддержки школьников и задачи культурной политики (Козырьков, Придатченко, Кирина 2018). Культурологические исследования производят анализ репрезентаций кибербуллинга в современной культуре (Родионова 2018).

Таким образом, российские исследования кибербуллинга, которые были выполнены психологами, юристами, социологами, культурологами и философами-религиоведами, в основном не разграничивают кибербуллинг и троллинг на теоретическом и эмпирическом уровнях, поэтому

мы прибегаем в нашей работе к демаркациям, которые проводятся между кибербуллингом и троллингом зарубежными исследователями. Это разграничение важно, потому что в случае неверной интерпретации мотива можно либо наказать невинного человека, в чьи намерения не входило причинение вреда, либо пропустить случай агрессии и не предотвратить последствия для жертвы. Поскольку в российских исследованиях роли свидетеля кибербуллинга уделено относительно мало внимания, остается неясным, как будет вести себя представитель российской молодежи, если станет очевидцем случая кибербуллинга. Поведение свидетеля становится неочевидно предсказуемым из-за того, что интернет-среда обладает, с одной стороны, большой степенью публичности, позволяющей проявлять морально-восстановительное поведение, с другой стороны, порождает идеологическую поляризацию, заставляет сомневаться в серьезности происходящих ситуаций и предоставляет несколько возможностей для исправления несправедливости (Crockett 2017). Эти характеристики среды могут дезориентировать и заставить сомневаться в способности помочь Другому, в итоге привести к тому, что человек не будет вмешиваться в кибербуллинг.

Зарубежным исследователям свойственно разграничивать троллинг и кибербуллинг (Buckels, Trapnell, Paulhus 2014). Исследователи, утверждают, что «беспричинность» является уникальной чертой троллинга (Peterson, Densley 2017). Гольф-Папез пишет, что троллинг осуществляется не для того, чтобы причинить вред другим людям, а с целью шутки над адресатом (Golf-Papez, Veer 2017: 6). Также можно встретить разграничение троллинга и кибербуллинга по следующим критериям: правдивость сообщения, тип аккаунта, повторность и характер отношений между автором коммуникативного акта и его собеседником.

Иногда в качестве троллей рассматриваются только те интернет-пользователи, которые производят и распространяют выдуманную информацию об объекте троллинга. Считается, что именно несоответствие информации, которую доносит тролль, реальному порядку вещей и вызывает сбой в функционировании социальных групп и деятельности отдельных индивидов (Klempka, Stimson 2014: 4).

Создание фейкового аккаунта (не имеющего отношения к реальной личности) называют признаком кибербуллинга, потому что в подобном случае действие человека анонимно. Предполагается, что анонимность способствует более легкому проявлению агрессивного поведения, потому что человек получает возможность уйти от наказания. Кроме того, анонимизация способствует дистанцированию от объекта, на который направлена агрессия, означает снижение эмпатии по отношению к нему.

Опираясь на данное предположение, «Фейсбук», к примеру, пытался исключить возможность создания фейковых аккаунтов (Hardaker 2013).

Е. Жане считает, что термин «кибербуллинг» больше используется в подростковых и образовательных контекстах и был создан для более «приземленных» дискуссий, тогда как троллинг обычно рассматривается как провоцирующий эмоциональные реакции (т.е. более близкий, чем кибербуллинг, к эмоциональному насилию) (Jane 2015). Гольф-Папез и Веер добавляют дополнительный разграничительный критерий: дисбаланс власти (Golf-Papez, Veer 2017: 6). Авторы говорят о том, что дисбаланс власти всегда характерен для кибербуллинга и только лишь иногда встречается в ситуациях троллинга. Существует различное понимание необходимости учета повторности при идентификации как в случае троллинга, так и в случае кибербуллинга (Golf-Papez, Veer 2017: 6). Он призван отразить интенсивность кибербуллинга и троллинга, которым подвергся адресат. В повторность входят: частота и количество раз, которое человек подвергся кибербуллингу или троллингу. Эти характеристики измерялись исследователями при помощи порядковых (Ang, Goh 2010: 390; Betts et al. 2017: 6–7) и интервальных шкал (Savage, Tokunaga 2017).

Разграничение троллинга и кибербуллинга по критерию правдивости информации, является, по мнению нашему мнению, не совсем корректным, поскольку тролль, будучи ориентированным на получение удовольствия от своей шутки, не всегда искажает информацию. Иногда тролль так формулирует свое сообщение, что сама форма подачи и языковые средства, сформулированные обидным образом для объекта троллинга, подчеркивают его слабые места. Тип аккаунта также не может помочь однозначно разграничить троллинг и кибербуллинг, потому что тролль и кибербулли не всегда хотят скрыть свою идентичность. Это может быть связано с психопатическими склонностями личности, интенсивность которых отличает кибербуллинг и буллинг (González-Cabrera et al. 2017: 154). Учитывая, что тип аккаунта и правдивость сообщения не могут служить признаками, по которым можно отличить кибербуллинг и троллинг друг от друга, мы разграничиваем троллинг и кибербуллинг по мотиву, стоящему за этими типами поведения. Можно определить кибербуллинг и троллинг следующим образом.

Кибербуллинг — это тип поведения интернет-пользователя, осуществляемый в форме распространения оскорбительных сообщений в онлайн-среде, содержащих правдивую и (или) выдуманную информацию об адресате, с которым автор может находиться в различных типах социальных отношений, производящийся с фейкового или реального аккаунта и имеющий как повторный, так и единичный характер. Разграничение

между описанным поведением и троллингом производится по мотивам, стоящим за рассылкой сообщений. Троллинг мотивирован получением удовольствия от шутки над адресатом сообщения, а кибербуллинг направлен на получение удовольствия от причинения вреда адресату.

Уточнение канала коммуникации, через который производится кибербуллинг и троллинг, необходимо, поскольку некоторые исследователи различают троллинг и кибербуллинг, осуществляемые при помощи различных технических средств (Bishop 2013; Smith 2013; Solomontos-Kountouri et al. 2017; Steffgen et al. 2011). Выделение типов троллинга и кибербуллинга в зависимости от платформы коммуникации обусловлено представлением о том, что канал коммуникации влияет на ее структуру и содержание (Bishop 2013: 302). Так, иногда считают, что существует кибербуллинг через текстовые сообщения, картинки/видеоклипы (через камеры мобильных телефонов), телефонные звонки (посредством мобильных телефонов), по емейлу, в разговорных комнатах, через мгновенные сообщения и интернет-сайты. Несмотря на то что в исследовании рассматривается только распространение сообщений, кибербуллинг и троллинг может осуществляться и другими способами. Среди способов кибербуллинга были выделены следующие: рассылка оскорбительных сообщений кому-либо, рассылка личной компрометирующей информации (сплетни, ложь, секреты, унижительные фотографии), отказ от пересылки (передачи) чего-либо, разрушение чьей-то идентичности (взлом профиля, пересылка вируса), исключение кого-либо из сетей общения (дефрендинг) (Betts et al. 2017: 6–7; Cuadrado-Gordillo, Fernández-Antelo 2016: 658; Pabian 2015).

Далее, используя атрибутивный подход к приписыванию ответственности, мы выделили по результатам анализа исследований кибербуллинга и троллинга психологические, биологические и социально-демографические характеристики кибербулли и тролля. Выбор перечисленных характеристик был основан на предположении, лежащем в основании атрибутивного подхода о том, что характеристики, на базе которых обыватель приписывает то или иное поведение автору, могут совпадать с результатами научных исследований. Ситуативные характеристики мы отбирали на основе исследований свидетелей кибербуллинга.

Применение атрибутивного подхода для формирования гипотез о ситуативных факторах отключения моральной ответственности свидетеля кибербуллинга

По итогам анализа литературы мы составили таблицу факторов, которые потенциально могут влиять на процесс атрибуции мотива кибербулли. В перечисленных в таблице исследованиях измерялась связь между поведением тролля/кибербулли и его личными психологическими,

биологическими и социальными характеристиками. Мы же предполагаем, что свидетель может интуитивно знать о существующих связях между личностью и контекстом кибербуллинга и поэтому оценивать мотивы другого на основе известных ему особенностей автора сообщения. Знание о связях также может проистекать из просмотра сообщений в СМИ или чтения научных материалов. Кроме того, на оценку может влиять личный опыт кибербуллинга или опыт знакомого.

Согласно атрибутивному подходу, все обозначенные в таблице признаки, которые выделяют исследователи, могут быть связанными с атрибуцией мотивов, однако в качестве характеристик, которые могут участвовать в процессе атрибуции мотива, были выбраны нарциссизм, пол и возраст автора сообщения. Выбор именно этих характеристик обусловлен неоднозначностью данных по поводу связей между этими признаками и атрибуцией в научных исследованиях, а также наличием эффектов взаимодействия между приведенными факторами.

Факторы и их связь с троллингом и кибербуллингом на основе анализа исследований кибербуллинга и троллинга*

Характеристики	Кибербуллинг	Статьи	Троллинг	Статьи
макиавеллизм	-	(Pabian, De Backer, Vandebosch 2015)	-	(Craker, March 2016: 82; Sest, March 2017: 70)
нарциссизм	+	(Fan et al. 2016)	-	(Craker, March 2016: 82; Sest, March 2017: 70)
психопатия	+	(Pabian, De Backer, Vandebosch 2015)	+	(Craker, March, 2016: 82; Sest, March 2017: 70)
садизм	+	(Geel van et al. 2017)	+	(Craker, March, 2016: 82; Sest, March 2017: 70)

* Серым цветом в таблице выделены те, факторы, которые были использованы в нашем исследовании. «+» — наличие связи между поведением и фактором по итогам исследования, «-» — отсутствие связи между поведением и фактором по итогам исследования, «*» — отсутствие данных о связи факторов с троллингом и кибербуллингом.

Характеристики	Кибер-буллинг	Статьи	Троллинг	Статьи
эмоциональный дистресс	+	(González-Cabrera et al. 2017: 158)	*	
депрессия, суицидальное мышление	+	(You, Lee, Kim 2016)	*	
когнитивная и аффективная эмпатия	+	(Ang, Goh 2010)	+	(Sest, March 2017: 71)
низкая самооценка	+	(González-Cabrera et al. 2017: 154)	*	
плохое настроение	*		+	(Cheng et al., 2017)
социальная тревожность	+	(Kowalski et al. 2014)	*	
дисфункциональная импульсивность	*		+	(March et al. 2017: 142)
отчуждение моральной ответственности	+	(Kowalski et al. 2014; Orue, Calvete 2016; Wang et al. 2017)	*	
включенность в неадаптивные поведения	+	(Kowalski et al. 2014)	*	
технические качества	+	(Betts et al. 2017; Kowalski et al. 2014: 40)	*	
геймер	+	(Lampridis 2015)	*	
плохой климат в семье	+	(Buelga, Martínez-Ferrer, Cava 2017; Machackova 2015: 17)	*	

Характеристики	Кибербуллинг	Статьи	Троллинг	Статьи
низкий экономический статус	+	(Kowalski et al. 2014: 41)	*	
маргинальное культурное / этническое происхождение	+	(Pabian 2015: 12).	*	
наличие интереса к политике, активизм	*		+	(Fichman, Sanfilippo 2016)
высокая популярность	+	(Wegge et al. 2016)		
взаимодействие пола и возраста	+	(Barlett, Coyne 2014)	*	
пол	+	(Kowalski et al. 2014: 40; Pabian 2015: 11; Solomontos-Kountouri et al. 2017: 5)	*	
гендер	*		+	(Craker, March 2016: 83; Fichman, Sanfilippo 2015: 173)
возраст	+	(Kowalski et al. 2014: 40)	+	(Fichman, Sanfilippo 2016)
уровень кортизола	+	(González-Cabrera et al. 2017: 158)	*	

Нарциссизм. В признаки субклинической нарциссической личности входят чувство собственной важности и уникальности, фантазии об отсутствии ограничений для собственного успеха, постоянное желание привлекать к себе внимание, ожидание специальных услуг от других

и эксплуататорское поведение в межличностных отношениях (Pabian, De Backer, Vandebosch 2015). Нарциссизм относится к субклинической части черной триады, наряду с психопатией и макиавеллизмом (Pabian, De Backer, Vandebosch 2015). В отличие от этих двух характеристик, в отношении которых исследователи приходили к схожим выводам относительно их связи с кибербуллингом (Pabian, De Backer, Vandebosch 2015: 44), связь нарциссизма и вовлеченности в кибербуллинг неоднозначна. Так, Пабиан и Вандербох пришли к выводу, что нарциссизм подростка не связан с участием в кибербуллинге даже при контроле переменной, измеряющей продолжительность пользования Интернетом (Pabian, De Backer, Vandebosch 2015). Связь высоких показателей по нарциссизму и участия в кибербуллинге среди китайских подростков от 11 до 18 лет была продемонстрирована в исследовании Фана и его коллег (Fan et al. 2016). При этом подростки старшего возраста имеют более устойчивые показатели по чертам антисоциального поведения. Однако серьезных различий в уровне нарциссизма, психопатии и макиавеллизма между разными возрастными группами молодежи не обнаруживается (Pabian, De Backer, Vandebosch 2015: 44). Как показали другие исследования, троллинг и нарциссизм не были связаны между собой (Craker, March 2016: 82; Sest, March 2017: 70). Имея в виду противоречивость выводов относительно связи нарциссизма и кибербуллинга, было принято решение о включении данной характеристики кибербулли в наш факторный эксперимент.

Возраст. Объяснения того, как возраст связан с включенностью в кибербуллинг, носят биологический характер, тогда как связь с троллингом, как правило, раскрывается через социальные причины. В исследованиях кибербуллинга детей обычно рассматривают как более включенных в данную практику по сравнению со взрослыми в связи с пубертатным периодом, в ходе которого в крови повышается уровень кортизола. Это заставляет активнее бороться за место в социальной иерархии (Kowalski et al. 2014: 40) и приводит к агрессивному поведению. Кроме того, учитывая, что периоды взросления у девочек и мальчиков десинхронизированы, была выявлена связь между полом и возрастом кибербулли. Молодые девушки более склонны участвовать в буллинге по сравнению с молодыми людьми — ровесниками. Однако в 11 лет индивиды мужского и женского пола осуществляют кибербуллинг с одинаковой частотой, поэтому не совсем понятно, с какого возраста молодые люди становятся более агрессивными (Barlett, Coyne 2014: 478). В троллинге молодости приписывается непосредственность, и поэтому люди склонны считать, что чем моложе субъект, тем более вероятно, что он/она будет участвовать в троллинге (Fichman, Sanfilippo 2016).

Пол и гендер*. Пол и гендер, так же как и нарциссизм, не всегда однозначно связаны с кибербуллингом. С одной стороны, отмечается, что в процессе развития мальчики испытывают желание доминировать, поэтому они начинают принимать участие в кибербуллинге (Solomontos-Kountouri et al. 2017: 5). С другой стороны, существуют различия в гендерной представленности по типам кибербуллинга: девочки больше подвергаются кибербуллингу через емейлы, мальчики — через текстовые сообщения (Kowalski et al. 2014: 40). В исследованиях троллинга было показано, что мужчины более склонны осуществлять онлайн-троллинг (Craker, March 2016: 83). Пол играет роль не только в случае участия в троллинге, но и в контексте оценок мотивации троллей. В некоторых исследованиях женщин-троллей рассматривают как менее опасных, чем мужчин (Fichman, Sanfilippo 2015: 173).

Использование исследований поведения свидетеля кибербуллинга для формирования предположений о персональных факторах отключения моральной ответственности свидетеля кибербуллинга

В качестве персональных характеристик для производящего оценку ситуации было решено использовать тест личностной диагностики «Темная триада».

Триада «Нарциссизм, макиавеллизм, психопатия». Ранее изучалась связь личностных характеристик из большой пятерки с поведением свидетеля (Zhou, Zheng, Gao 2018). Исследование связи нарциссизма, макиавеллизма, психопатии с кибербуллингом производилось в предыдущих исследованиях, однако авторы не различали роли жертвы, свидетеля и агрессора (Vaughan et al. 2012). Отсутствие выделения ролей могло приводить к неверным выводам относительно психических характеристик свидетеля кибербуллинга, поскольку исследования показывают различия личностных качеств свидетеля, жертвы и кибербулли (Zhou, Zheng, Gao 2018).

Нарциссизм, психопатия и макиавеллизм респондента могут оказаться связанными с приписыванием мотива кибербулли, потому что эти психологические характеристики имеют отношение к ролевому поведению в ситуации оффлайн-конфликта. К примеру, уровень нарциссизма имеет отрицательную связь с ролью свидетеля (Gumpel, Wiesenthal, Söderberg

* Пол рассматривается отдельно от гендера, поскольку объяснение влияния пола дается в исследованиях через биологические индикаторы, а влияние гендера — через социально-психологические.

2015)*. Кроме того, Балакришнан и Фернандез показали, что свидетели кибербуллинга, которые вмешивались в ситуации кибербуллинга, имели статистически значимо более высокие уровни самооценки, чем те, кто не вмешивался в кибербуллинг (Balakrishnan, Fernandez 2018). Нарциссизм проявил положительную связь с самооценкой в предыдущих исследованиях (Locke 2009: 101), даже при условии использования различных шкал самооценки (Brown, Zeigler-Hill 2004). Макиавеллизм, предположительно, будет влиять на приписывание мотива кибербулли, потому что одним из факторов отключения моральной ответственности свидетеля кибербуллинга выступает желание прославиться через пособничество кибербулли (Kyriacou, Zuin 2016: 8). Особенно это проявляется, если кибербулли обладает существенными материальными или нематериальными ресурсами. Кроме того, макиавеллизм имеет отрицательную связь с эмпатией, уровень которой связан с вмешательством свидетеля в кибербуллинг (Ali, Amorim, Chamorro-Premuzic 2009). Также исследования, не разграничивающие свидетеля, агрессора и жертву кибербуллинга, показали, что вся «Темная триада» связана с вовлеченностью в него (Vaughman et al. 2012).

Специфика измерения нарциссизма при помощи селфи

Связь селфи (тип автопортрета, который делается при помощи устройства, имеющего фотокамеру) и нарциссизма была обнаружена в психологических работах, однако характер этой связи неоднозначен. О наличии подобной связи можно судить по работам, измерявшим отношения между нарциссизмом человека и наличием селфи на его личной странице (Fox, Rooney 2015; Halpern, Valenzuela, Katz 2016; Weiser 2015), и статьям, посвященным тем представлениям, которые люди формировали о публикующих селфи интернет-пользователях (Krämer et al. 2017; Taylor, Hinck, Lim 2017). Анализ результатов рассмотренных исследований позволяет утверждать, что в качестве индикатора нарциссизма могут быть использованы селфи, на которых изображен сам индивид, либо групповые селфи. Так как связь селфи и нарциссизма была установлена применительно к пользователям «Фейсбук», то вероятно, что селфи может работать как прокси нарциссизма и на пользователях российской социальной сети «ВКонтакте». Подобное возможно, поскольку архитектура этих социальных сетей серьезно не отличается.

* Приписывание роли свидетеля, кибербулли и жертвы респонденту осуществлялось исследователями на основе факторного анализа ответов на вопросы о практиках кибербуллинга и опыте участия в нем.

Связь нарциссизма и селфи зависит от типа последнего. В исследовании Биолкати и Пассиани групповые селфи и личные селфи были в большей степени связаны с нарциссизмом, чем селфи с партнером (Biolcati, Passini 2018). Возможно, что в нашем исследовании будет играть роль пол того индивида, который опубликовал селфи. При этом Н. Кремер и ее коллеги обнаружили гендерные различия в восприятии фотографий. Мужские профили оценивались как более нарциссические и более подозрительные по сравнению с женскими (Krämer et al. 2017). Однако не совсем ясно, как это скажется на приписывании мотива в нашем исследовании. Можно предположить, что так как мужчина, размещающий селфи, оценивается более негативно, чем женщина, то может случиться так, что такого мужчину скорее отнесут к числу кибербулли, нежели к числу троллей.

Таким образом, новизна исследования заключается в том, что мы применяем атрибутивный подход для выбора персональных характеристик кибербулли/тролля, на основе которых может проводиться оценка поведения человека и который до этого не использовался при анализе восприятия троллинга и кибербуллинга. Кроме того, мы основываемся на предположении, что приписывание респондентом мотива к троллингу является способом отключения моральной ответственности, что не делалось в предыдущих исследованиях. Мы четче разграничиваем троллинг и кибербуллинг по сравнению с предыдущими исследованиями, поскольку контролируем равенство социальных позиций агрессора и жертвы и используем две отдельные шкалы для упомянутых поведений. Это, к примеру, не было сделано в исследовании киберсталкинга, когда авторы изначально создали неравенство позиций между жертвой и киберсталкером за счет приписывания им ролей парня и девушки, чем могли повлиять на исход эксперимента (Hayes 2018). Также в отличие от предыдущих исследований (Vaughman et al. 2012), в которых связь буллинга и «Темной триады» рассматривалась без разграничения на роли жертвы, свидетеля и агрессора, наше исследование отдельно рассматривает связь персональных характеристик свидетеля кибербуллинга с отключением моральной ответственности.

Исследовательские гипотезы

Н1: В группе тех, кто оценивал личные страницы авторов сообщения, на которых присутствовали селфи (как предположительный индикатор нарциссизма), авторов сообщения будут в большей степени относить к кибербулли, чем к троллям.

Н2: Те, респонденты, которые оценивали в качестве авторов сообщения лиц мужского пола, будут оценивать мотивы подобных авторов сообщения скорее как кибербуллинг, нежели как троллинг.

Н3: Более молодых (14-летних) авторов сообщений будут оценивать как более склонных к кибербуллингу по сравнению со старшими (21-летними).

Н4: Более молодых авторов сообщения — женщин будут считать скорее троллями, нежели кибербулли.

Н5: Чем выше значения респондента по шкале нарциссизма, тем более он/она будет склонен к приписыванию мотива кибербуллинга автору сообщения.

Н6: Чем выше значения респондента по шкале психопатии, тем выше он оценивает мотив троллинга у автора сообщения.

Н7: Чем выше значения респондента по шкале макиавеллизма, тем выше он оценивает мотив троллинга у автора сообщения.

Методология исследования и характеристики эмпирической базы

Процедура и эмпирическая база. Эксперимент проводился в формате онлайн-опроса в августе 2018 г. среди студентов российских вузов, входящих в список «5–100»*. Выбор вузов объясняется количеством студентов, которые в них обучаются, а также широтой профилей обучения, которые представлены в данных вузах. Выборки студентов характерны для современных исследований кибербуллинга (Balakrishnan, Fernandez 2018), наш выбор эмпирического объекта не только делает более сопоставимыми результаты с англоязычными исследованиями, но и отражает шаг в направлении изучения кибербуллинга не только среди школьников, но и в более взрослых аудиториях. У студентов, обладающих иным психоэмоциональным портретом по сравнению с подростками, поведение в ситуациях кибербуллинга может отличаться от поведения подростков (Balakrishnan, Fernandez 2018: 6–7). Однако без проведения целенаправленных исследований студенчества мы не сможем понять, в чем же данные отличия состоят.

В исследовании принял участие 460 человек в возрасте от 17 до 25 лет. Сообщения с просьбой пройти опрос были размещены в группах университетов в «ВКонтакте»: ДФУ, СПбПУ, СГАУ, БФУ, ВШЭ и МФТИ. Респондентам предлагалось оценить мотивы незнакомого им человека, который написал сообщение следующего содержания на странице своего знакомого:

* Проект 5–100 [<https://www.5stop100.ru/>] (дата обращения: 01.10.2018).

*«Ты мог стать кем угодно: актером, певцом, переводчиком, вокруг множество перспективных профессии, а ты, пихая в себя очередную банку варенья, запивая супчиком? стал жиртрестом. Теперь делай выводы»**.

Измерительные инструменты. Оценка двух мотивов, соответствующих операционализации троллинга и кибербуллинга (посмеяться над адресатом и причинить вред), производилась по 7-балльной шкале (где «1» означала полное несоответствие мотива автору, а «7» — полное соответствие). Принять решение о том, в какой мере автор сообщения хотел причинить вред или подшутить над адресатом, предлагалось на основе содержания личной страницы написавшего сообщение. В исследовании использовались однообъектные шкалы для измерения кибербуллинга и троллинга. В случае кибербуллинга преимущество данной шкалы заключается в простоте измерения, однако по точности она уступает мультиобъектным (Kowalski et al. 2014: 37). Конструирование мультиобъектной шкалы сопряжено с необходимостью валидации набора кибербуллинговых поведений, которое может осуществляться при помощи методов структурного моделирования. Измерение троллинга одним вопросом также имеет свои положительные стороны. Сомнения вызывает возможность подбора исчерпывающего набора высказываний, которые будут характеризовать троллинг (March et al. 2017). Наиболее известным среди измерительных инструментов троллинга является GAIT (global assessment of Internet trolling index) (Buckels, Trapnell, Paulhus 2014: 3). Этот индекс в своем классическом виде включает четыре высказывания, степень согласия с которыми респондента оценивается по шкале Ликерта (Buckels, Trapnell, Paulhus 2014: 3). Однако в последние годы этот индекс был расширен до восьми и более высказываний, хотя некоторые продолжают использовать четырехвопросный формат (Sest, March 2017: 70). Кроме того, так как в нашем исследовании участники не получали материальной компенсации за участие в опросе, уменьшение количества вопросов могло повысить отклик.

В исследовании было сформировано 12 виньеток, каждая из которых представляла один вариант внешнего вида страницы автора сообщения. Использовался межсубъектный экспериментальный план, т.е. один респондент оценивал только одну виньетку, причем назначение виньетки производилось случайным образом. Использовался экспериментальный

* Сообщение было взято с одной из интернет-страниц: https://vk.com/sovershenstvuy?w=wall-4_5009878_13989.

план 2×2×3 (21 год / 14 лет, пол м / ж, нарциссизм (наличие селфи / отсутствие фотографий / наличие фотографий с пейзажами). Были применены виньетки с отсутствующими фотографиями и с фотографиями пейзажей, так как нам важно было отделить эффект селфи от эффекта наличия любых других фотографий. Также производилось измерение индивидуальных переменных (пол, возраст респондента и значение по психологическому опроснику личностных черт «Темная триада»). Диагностика личностных черт осуществлялась при помощи 12 вопросов, перевод которых на русский язык был апробирован исследовательским коллективом психологов из МГУ (Корнилова и др. 2015). В заключение опроса были включены вопросы-ловушки, которые позволили исключить респондентов, заполнявших опрос невнимательно (вопрос о том, чьи мотивы оценивал респондент и об отношениях между автором сообщения и адресатом).

Результаты

По результатам проведенного эксперимента были сделаны следующие выводы. Сформулированные гипотезы частично подтвердились. Статистически значимые связи с атрибуциями показали ситуативные факторы (возраст автора сообщения, взаимодействие возраста и нарциссизма, взаимодействие пола (гендера) и нарциссизма) и персональные факторы (значения по шкалам личностной диагностики «Темная триада» участника эксперимента). Данные анализировались при помощи одномерного дисперсионного анализа, T-test для независимых выборок и коэффициента корреляции Пирсона.

Возраст автора сообщения. Различия в средних оценках по атрибуции троллинга оказались субзначимыми при 95 % уровне доверительной вероятности ($t=1,949$; $p=0,052$; $n=460$). Молодых авторов сообщения рассматривают как более склонных к тому, чтобы посмеяться над адресатом сообщения ($M_{14 \text{ лет}}=4,125$; $M_{21 \text{ год}}=3,757$; $SD_{14 \text{ лет}}=2,013$; $SD_{21 \text{ год}}=2,049$; $N_{14 \text{ лет}}=238$; $N_{21 \text{ год}}=222$; $\eta_p^2=0,008$).

Взаимодействие возраста и нарциссизма автора сообщения. Были обнаружены значимые различия в средних оценках по мотивации причинить вред в зависимости от возраста (95 %; $t=2,375$; $p=0,05$; $n=456$). 14-летних нарциссов рассматривают как более склонных к тому, чтобы причинить вред адресату, по сравнению с 21-летними ($M_{14 \text{ narcissism}}=4,3$; $M_{\text{else}}=3,657$; $SD_{14 \text{ narcissism}}=1,963$; $SD_{\text{else}}=1,898$; $N_{14 \text{ narcissism}}=80$; $N_{\text{else}}=376$; $\eta_p^2=0,017$).

Пол (гендер) и нарциссизм автора сообщения. Проявились значимые различия в средних оценках по мотивации причинить вред (95 %; $t=2,473$; $p=0,014$; $n=456$) от пола (гендера) и нарциссизма. Мужчин без селфи

(т.е. не нарциссов) рассматривают как менее способных причинить вред адресату, нежели других авторов ($M_{M^{*no_narcissm}}=3,452$; $M_{else}=3,925$; $SD_{no_narcissm}=1,913$; $SD_{else}=1,911$; $N_{no_narcissm}=150$; $N_{else}=306$; $\eta_p^2=0,013$).

Нарциссизм участника эксперимента. Была выявлена положительная корреляция с суждением «Я бы хотел, чтобы мною восхищались другие люди». Чем выше были значения по данной шкале у респондентов, тем выше они оценили склонность автора к кибербуллингу (95 %; $p\text{-value}=0,025$; $N=415$; $\rho=0,207$).

Макиавеллизм участника эксперимента. Выявлена корреляция с суждением «Я использовал лесть для достижения своих целей». Чем выше были значения по данной шкале у респондентов, тем выше они оценили склонность автора к троллингу (95 %; $p\text{-value}=0,004$; $N=418$; $\rho=0,266$).

Психопатия участника эксперимента. Существует корреляция между степенью согласия с суждением «Я склонен к цинизму» и оценкой мотива троллинга. Чем выше были значения по данной шкале у респондентов, тем выше они оценивали склонность автора к троллингу (95 %, $p\text{-value}=0,021$, $N=418$, $\rho=0,213$). Обнаружена корреляция между степенью согласия с суждением «Я склонен к бессердечности и нечувствительности» и троллингом. Чем выше были значения по данной шкале у респондентов, тем выше они оценили склонность автора к троллингу (95 %, $p\text{-value}=0,049$, $N=418$, $\rho=0,164$).

Обсуждение результатов

Наше исследование было направлено на то, чтобы выяснить факторы, влияющие на приписывание мотивации свидетелем кибербуллинга. Проверялись ситуативные факторы (возраст, пол и нарциссизм автора сообщения) и персональные факторы (уровни нарциссизма, психопатии, макиавеллизма респондента). Мы видим, что восстановление моральной справедливости во многом связано не столько с самим сообщением, которое выражает определенный мотив, сколько с теми стереотипами, которые формируются по отношению к интернет-пользователям. Вероятно, наличие предубеждений относительно того, кто может быть кибербулли, связано с моральной паникой перед детской увлеченностью Интернетом (Milosevic, Livingstone. 2018: 23–25), поэтому молодые и нарциссичные подростки воспринимаются как потенциальная угроза, а другие пользователи — нет. Готовность вмешаться и защитить кого-то становится связанной не с контентом, а с его производителем. Дело не в позитивности эффекта публичности самого по себе — восприятие серьезности ситуации оказывается связанным с личностью свидетеля и личностью кибербулли. Коснемся каждого из аспектов восприятия более подробно.

Возраст автора сообщения оказался связан с атрибуцией мотивов как прямым, так и косвенным образом. Мы обнаружили, что возраст влияет на приписывание мотива к кибербуллингу и троллингу как сам по себе, так и во взаимодействии с нарциссизмом. Данный вывод не соотносится с научными исследованиями, которые показывают, что кибербуллинг обычно свойственен подросткам, у которых повышен кортизол по сравнению с более взрослыми людьми (Kowalski et al. 2014). Если мы будем рассматривать представления людей как реальные по своим последствиям, то можно попытаться объяснить, почему нарциссизм, как отдельный фактор не во всех исследованиях прежде оказывался связанным с кибербуллингом. Исследователи предпринимали попытки коррекции на «интернет-зависимость», однако возраст при этом не контролировался (Fichman, Sanfilippo 2016: 57). Благодаря полученному выводу мы также можем понять тонкость различий в описаниях тролля и кибербулли, которые делались участниками нашего эксперимента (важность рассмотрения эффекта взаимодействия). При атрибуции имеет значение не просто возраст автора, поскольку просто молодых авторов «запишут в ряды» троллей, молодых авторов-нарциссов отнесут к кибербулли. То есть свидетель кибербуллинга скорее посчитает, что он столкнулся с кибербуллингом, если он/она, опираясь на некоторые индикаторы (в нашем случае количество лет и наличие селфи на странице), будет уверен в нарциссизме агрессора и его молодом возрасте. Возраст также может восприниматься как физический ресурс, поэтому в случае 21-летних нарциссов свидетель будет отключать свою моральную ответственность в целях самозащиты или подчиняться авторитету агрессора (Kyriacou, Zuin 2016: 6–8).

Макиавеллизм свидетеля имеет положительную корреляцию со склонностью автора к троллингу, возможно, потому что свидетель в первую очередь может стремиться к известности, помогая кибербулли. Макиавеллизм также имеет большую связь с приписыванием мотива троллинга, чем психопатия. Данный вывод соответствует результатам, полученным Баугманом при анализе связи «Темной триады» с вовлеченностью в буллинг (Baughman et al. 2012). Психопатичность свидетеля и склонность к приписыванию мотива троллинга, т.е. невосприятие ситуации кибербуллинга всерьез, может объясняться следующим. Свидетель в целом считает, что если человек отличается по своему весу от нормального, то он достоин быть подвергнут кибербуллингу (фэтшейминг). Психопатия предполагает низкую эмоциональную эмпатию, т.е. человек не может переживать те же чувства, что и другой. Она в принципе имеет положительную связь с вовлеченностью в кибербуллинг в качестве кибербулли

(Kokkinos, Antoniadou, Markos 2014: 212). Нечуткость свидетеля к жертвам, которые сильно отличаются по тем или иным характеристикам от большинства, может быть одной из причин отключения моральной ответственности свидетеля кибербуллинга (Kyriacou, Zuin 2016: 6). Положительная связь нарциссизма и приписывания мотива к кибербуллингу может объясняться тем, что индивиды с высокой самооценкой чувствуют бо льшую решительность при наблюдении кибербуллинга и чаще сообщают о подобных случаях (Balakrishnan, Fernandez 2018). Тогда как индивиды с более низкой самооценкой испытывают страх пострадать от собственных свидетельств либо не считают свою точку зрения ценной / весомой, т.е. той, которую следует защищать.

Таким образом, наша теоретическая рамка, согласно которой некоторые научные выводы могут совпадать с предположениями об образе кибербулли/тролля свидетеля-обывателя, частично позволила отобрать те ситуативные факторы, которые влияют на процесс отключения моральной ответственности свидетеля кибербуллинга. Выводы, полученные по итогам исследования, дают возможность говорить о том, что атрибутивный подход может использоваться для изучения ситуативных факторов отключения моральной ответственности кибербулли, поэтому подобные исследования можно провести на других ситуативных факторах, которые мы упомянули в таблице.

Атрибутивный подход к выбору ситуативных факторов, влияющих на приписывание мотива, совмещался с теориями поведения свидетелей кибербуллинга. Такой подход позволил сформировать и проверить предположения относительно характера воздействия персональных факторов свидетеля на процесс отключения моральной ответственности. В контексте исследований отключения моральной ответственности свидетеля мы обнаружили дополнительные персональные факторы, которые могут влиять на исход кибербуллинга. Мы сделали вывод, что к менее серьезному восприятию мотивов кибербулли склонны люди с более высоким макиавеллизмом и психопатией, тогда как нарциссизм свидетеля заставляет его оценивать мотивы кибербулли более серьезным образом.

Результаты нашего исследования позволяют предположить, что социальные программы, которые направлены на профилактику кибербуллинга через работу с потенциальными свидетелями, должны предусматривать создание условий, в которых свидетель может безопасно говорить о кибербуллинге. Тогда свидетели будут меньше бояться сообщить об агрессивном поведении кибербулли. Кроме того, должно подчеркиваться, что помощь кибербулли, заключающаяся как в действии, так и бездействии, не ведет к повышению социального статуса. Учитывая, что

на идентификацию кибербуллинга влияет психопатия свидетеля, необходимо формировать более эмпатичное отношение к жертвам через демонстрацию серьезности последствий кибербуллинга для жертв. То, что авторы сообщения мужского пола и более взрослого возраста воспринимаются как менее склонные к кибербуллингу, а также то, что молодой возраст автора делает возможным приписывание менее серьезной мотивации участнику кибербуллинга, противоречит статистике по кибербуллингу, выявленной в других исследованиях. К примеру, в статье Ковальски, интегрирующей исследования кибербуллинга, сообщается что кибербуллинг чаще происходит среди подростков, нежели чем среди взрослых (Kowalski et al. 2014: 40). Соответственно, происходит недооценка возможности указанной группы пользователей проявлять агрессивное поведение, поэтому необходимо активнее артикулировать в социальных компаниях, направленных на борьбу с кибербуллингом, те статистические данные и выводы научных исследований, которые имеются по кибербулли.

Заключение

Получая доступ к онлайн-аудитории, публичность и социальные ресурсы, интернет-пользователи не приобретают равные возможности для актуализации этих ресурсов. «Положительный» эффект социальных сетей, связанный с привлечением внимания к частным проблемам людей, не срабатывает. Несмотря на то что социальные сети обеспечивают доступ к социальной поддержке, поддержка не актуализируется, потому что в процесс принятия решения о помощи вмешиваются не только характеристики платформ, на которых возникает коммуникация.

Кибербуллинг в социальных сетях — серьезная социальная проблема, требующая не только реакции со стороны правоохранительных органов. Уменьшение серьезности последствий кибербуллинга может производиться через профилактическую работу с молодежью, поскольку свидетели кибербуллинга способны уменьшать вред кибербуллинга для жертвы. Для этого необходимо понимать факторы, приводящие к невмешательству свидетеля в кибербуллинг. Наше исследование позволило выяснить, что на отключение моральной ответственности свидетеля влияют макиавеллизм, психопатия и нарциссизм свидетеля (персональные факторы). Люди с более высоким нарциссизмом склонны приписывать агрессору кибербуллинговый мотив, тогда как люди с высокой психопатией и макиавеллизмом могут приписывать кибербулли троллинговый мотив. Отключение моральной ответственности также связано с возрастом, гендером и нарциссизмом кибербулли (ситуативные

факторы). Воспринимаются как более агрессивные намерения молодых нарциссов, без учета их гендера. Молодых людей в целом рассматривают как более склонных к троллингу, нежели к кибербуллингу. Мужчин — не нарциссов в наименьшей степени, по сравнению с другими типами авторов сообщений, считают способными причинить вред другому интернет-пользователю.

Дальнейшее развитие исследования в методологическом ключе может предполагать валидизацию связи нарциссизма участника эксперимента и результатов приписывания кибербуллинга и троллинга путем сравнения различных измерительных шкал нарциссизма. Кроме того, для проверки устойчивости полученных данных о связи взаимодействий переменных и влияния отдельных переменных возможно проведение эксперимента с большим количеством участников и последующее применение путевого анализа. Необходимо также тестирование сценариев, использующих не только фрейм пищевого поведения, так как тема общения может оказывать воздействие на серьезность восприятия ситуации свидетелем.

Литература

Абрамов Р.Н., Девятко И.Ф., Кожанов А.А. (2011) Обыденное знание о дистрибутивной справедливости: методическое исследование сравнимости внутрисубъектных и межсубъектных экспериментальных планов. *Россия реформирующаяся*, 10: 22–43.

Акулич М.М. (2012) Троллинг в социальных сетях: возникновение и развитие. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология»*, 3: 30–37.

Баранов, А.А., Рожина С.В. (2017) Физическая культура и спорт как факторы развития стрессоустойчивости и превенции подросткового кибербуллинга. *Теория и практика физической культуры*, 1: 24–25.

Баранов А.А., Рожина С.В. (2016) Копинг-стратегии подростка в ситуации кибербуллинга. *Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*, 26(2): 37–46.

Бочавер А.А., Хломов К.Д. (2014) Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11(3): 177–191.

Васильев Т. (2016) Негативные аспекты виртуальной коммуникации и их пастырская оценка. *Христианское чтение*, 6: 311–329.

Голованова Н.А. (2018) Проблемы борьбы с буллингом: законодательное решение. *Журнал российского права*, 8: 113–123.

Девятко И.Ф., Гаврилов К. А. (2015) Обыденные суждения о причинности и вине за непреднамеренные негативные последствия действий: эксперимен-

тальный подход к оценке влияния. *Обыденное и научное знание об обществе* *взаимовлияния и реконфигурации*. М.: Прогресс-Традиция: 217–231.

Девятко И.Ф. (2011) В сторону справедливости: экспериментальное исследование взаимосвязи между дескриптивным обыденным знанием и восприятием дистрибутивной справедливости. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2(14): 139–164.

Зинцова А.С. (2014) Социальная профилактика кибербуллинга. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки»*, 3(35): 122–128.

Иванова К.А., Степанов А.А., Немчинова Е.В. (2018) Нравственность в Сети: правовая и неправовая оценка информации при реализации пользователями права на свободу выражения мнения. *Российское право: Образование. Практика. Наука*, 5(107): 65–70.

Козырьков В.П., Придатченко М.В., Кирина О.А. (2018) Раскрытие потенциала социальных сетей как направление современной культурной политики. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки»*, 3(51): 66–74.

Корнилова Т.В., Корнилова С.А., Чумакова М.А., Талмач М.С. (2015) Методика диагностики личностных черт «Темной триады»: апробация опросника «Темная дюжина». *Психологический журнал*. 2(36): 99–112.

Курьянович А. В. (2017) Девиантное речевое поведение пользователей сетевой переписки: факторы дискурсивной обусловленности и формы проявления. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 7(184): 78–86.

Погонцева Д.В. (2019) Буллинг, связанный с внешним обликом. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 1(26): 359–361.

Родионова М.Н. (2018) Социокультурные факторы кибербуллинга в художественной рефлексии современного зарубежного кинематографа. *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого*, 3–2(27): 142–156.

Солдатова Г.У., Чигарькова С., Львова Е.Н. (2017) Онлайн-агрессия и подлости: результаты исследования школьников Москвы и Московской области. *Эпоха науки*, 12: 103–109.

Холявин А. О. (2016) Метод фокус-группы и ролевая игра: потенциал и ограничения в исследовании социально чувствительных проблем. *Laboratorium*, 8(1): 107–119.

Ali F, Amorim I.S., Chamorro-Premuzic T. (2009) Empathy deficits and trait emotional intelligence in psychopathy and Machiavellianism. *Personality and Individual Differences*, 47(7): 758–762.

Ang R.P., Goh D.H. (2010) Cyberbullying among adolescents: the role of affective and cognitive empathy, and gender. *Child Psychiatry and Human Development*, 41(4): 387–397.

Balakrishnan V. (2018) Actions, emotional reactions and cyberbullying — from the lens of bullies, victims, bully-victims and bystanders among Malaysian young adults. *Telematics and Informatics*, 35(5): 1190–1200.

Balakrishnan V., Fernandez T. (2018) Self-esteem, empathy and their impacts on cyberbullying among young adults. *Telematics and Informatics*, 35(7): 2028–2037.

Barlett C., Coyne S.M. (2014) A meta-analysis of sex differences in cyberbullying behavior: the moderating role of age: sex differences in cyber-bullying. *Aggressive Behavior*, 40(5): 474–488.

Baughman H.M., Dearing S., Giammarco E., Vernon P.A. (2012) Relationships between bullying behaviours and the Dark Triad: A study with adults. *Personality and Individual Differences*, 52(5): 571–575.

Bem D.J. Self-perception theory (1972). *Advances in Experimental Social Psychology*, 6: 1–62.

Lucy R. Betts, Gkimitzoudis A., Spenser K.A., Baguley T. (2017) Examining the roles young people fulfill in five types of cyber bullying. *Journal of Social and Personal Relationships*, 34(7): 1080–1098.

Biolcati R., Passini S. (2018) Narcissism and self-esteem: Different motivations for selfie posting behaviors. *Cogent Psychology*, 5(1): 1–12.

Bishop J. (2013) The art of trolling law enforcement: a review and model for implementing ‘flame trolling’ legislation enacted in Great Britain (1981–2012). *International Review of Law Computers and Technology*, 27(3): 301–318.

Böhm G., Pfister H.-R. (2015) How people explain their own and others’ behavior: a theory of lay causal explanations. *Frontiers in Psychology*, 6: 1–15.

Brown R.P., Zeigler-Hill V. (2004) Narcissism and the non-equivalence of self-esteem measures: a matter of dominance?. *Journal of Research in Personality*, 38(6): 585–592.

Buckels E.E., Trapnell P.D., Paulhus D.L. (2014) Trolls just want to have fun. *Personality and Individual Differences*, 67: 97–102.

Buelga S., Martínez-Ferrer B., Cava M. (2017) Differences in family climate and family communication among cyberbullies, cybervictims, and cyber bully-victims in adolescents. *Computers in Human Behavior*, 76: 164–173.

Castells. M. (2007) Communication, power and counter-power in the network society. *International Journal of Communication*, 1(1): 238–266.

Cheng J., Bernstein M., Danescu-Niculescu-Mizil C., Leskovec J. (2017) Anyone can become a troll: causes of trolling behavior in online discussions. *CSCW Conf Comput Support Coop Work*, 1(17): 1217–1230.

Craker N., March E. (2016) The dark side of Facebook®: The Dark Tetrad, negative social potency, and trolling behaviours. *Personality and Individual Differences*, 102: 79–84.

Crockett, M. J. (2017) Moral outrage in the digital age. *Nature Human Behaviour*, 1(11): 769–771.

Cuadrado-Gordillo I., Fernández-Antelo I. (2016) Adolescents' perception of the characterizing dimensions of cyberbullying: differentiation between bullies' and victims' perceptions. *Computers in Human Behavior*, 55: 653–663.

Fan C., Chu X., Zhang M., Zhou Z. (2016) Are narcissists more likely to be involved in cyberbullying? Examining the mediating role of self-esteem. *Journal of Interpersonal Violence*, 34(15): 1–24.

Fichman P., Sanfilippo M.R. (2016) *Online trolling and its perpetrators: under the cyberbridge*. Lanham: Rowman & Littlefield.

Fichman P., Sanfilippo M.R. (2015) The bad boys and girls of cyberspace: how gender and context impact perception of and reaction to trolling. *Social Science Computer Review*, 33(2): 163–180.

Fox J., Rooney M.C. (2015) The Dark Triad and trait self-objectification as predictors of men's use and self-presentation behaviors on social networking sites. *Personality and Individual Differences*, 76: 161–165.

Gahagan K., Vaterlaus J.M., Frost L.R. (2016) College student cyberbullying on social networking sites: conceptualization, prevalence, and perceived bystander responsibility. *Computers in Human Behavior*, 55: 1097–1105.

Geel M. Van, Goemans A., Toprak F., Vedder P. (2017) Which personality traits are related to traditional bullying and cyberbullying? A study with the Big Five, Dark Triad and sadism. *Personality and Individual Differences*, 106: 231–235.

Golf-Papez M., Veer E. (2017) Don't feed the trolling: rethinking how online trolling is being defined and combated. *Journal of Marketing Management*, 33(15–16): 1–19.

González-Cabrera J., Calvete E., Leon-Mejia A., Perez-Sancho C., Peinado J.M. (2017) Relationship between cyberbullying roles, cortisol secretion and psychological stress. *Computers in Human Behavior*, 70: 153–160.

Gumpel T.P., Wiesenthal V., Söderberg P. (2015) Narcissism, perceived social status, and social cognition and their influence on aggression. *Behavioral Disorders*, 40(2): 138–156.

Halpern D., Valenzuela S., Katz J.E. (2016) “Selfie-ists” or “Narci-selfiers”? A cross-lagged panel analysis of selfie taking and narcissism. *Personality and Individual Differences*, 97: 98–101.

Hardaker C. (2013) “Uh. ... not to be nitpicky,,,,,but...the past tense of drag is dragged, not drug”: An overview of trolling strategies. *Journal of Language Aggression and Conflict*, 1 (1): 58–86.

Hayes B.E. (2018) Bystander intervention to abusive behavior on social networking websites. *Violence Women*, 25(14): 1–22.

Heider F. (2013) *The psychology of interpersonal relations*. New York: Psychology Press.

Jane E.A. (2015) Flaming? What flaming? The pitfalls and potentials of researching online hostility. *Ethics and Information Technology*, 17(1): 65–87.

Jones E.E., Davis K.E. (1965) From acts to dispositions the attribution process in person perception. *Advances in experimental social psychology*, 2: 219–266.

Kelley H.H. (1967) Attribution theory in social psychology. *Nebraska symposium on motivation*. Nebraska: University of Nebraska Press.

Klempka A., Stimson A. (2014) Anonymous communication on the internet and trolling. *Concordia Journal of Communication Research*, 1: 1–43.

Kokkinos C.M., Antoniadou N., Markos A. (2014) Cyber-bullying: an investigation of the psychological profile of university student participants. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 35(3): 204–214.

Kowalski R.M., Giumetti R.M., Schroeder G.W., Lattenner A.N., Micah R. (2014) Bullying in the digital age: A critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth. *Psychological bulletin*, 140 (4): 1073–1137.

Krämer N.C., Feurstein M., Kluck J.P., Meier Y., Rother M., Winter S. (2017) Beware of selfies: the impact of photo type on impression formation based on social networking profiles. *Frontiers in Psychology*, 8: 1–14.

Kyriacou C., Zuin A. (2016) Cyberbullying and moral disengagement: an analysis based on a social pedagogy of pastoral care in schools. *Pastoral Care in Education*, 34(1): 34–42.

Lampridis E. (2015) Stereotypical beliefs about cyber bullying: an exploratory study in terms of myths. *Universal Journal of Educational Research*, 3(2): 135–147.

Locke K.D. (2009) Aggression, narcissism, self-esteem, and the attribution of desirable and humanizing traits to self versus others. *Journal of Research in Personality*, 43(1): 99–102.

Machackova H., Görzig A. (2015) Cyberbullying from a socio-ecological perspective. *Media@LSE Working Paper*, 36: 1–37.

Milosevic T., Livingstone S. (2018) *Protecting children online?: Cyberbullying policies of social media companies*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.

March E., R. Grieve, J. Marrington, P.K. Jonason (2017) Trolling on Tinder® (and other dating apps): examining the role of the Dark Tetrad and impulsivity. *Personality and Individual Differences*, 110: 139–143.

Mishna F., Cook C., Saini M., Wu M.J., MacFadden R. (2011) Interventions to prevent and reduce cyber abuse of youth: a systematic review. *Research on Social Work Practice*, 21(1): 5–14.

Nesi, J., Choukas-Bradley S., Prinstein M.J. (2018) Transformation of adolescent peer relations in the social media context: part 1—a theoretical framework and application to dyadic peer relationships. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 21(3): 267–294.

Orue I., Calvete E. (2016) Psychopathic traits and moral disengagement interact to predict bullying and cyberbullying among adolescents. *Journal of interpersonal violence*, 34(11): 1–20.

Pabian S. (2015) *A developmental perspective on personal and situational predictors and outcomes of adolescent cyberbullying perpetration: A longitudinal examination*. Antwerpen: Universiteit Antwerpen.

Pabian S., De Backer C.J.S., Vandebosch H. (2015) Dark triad personality traits and adolescent cyber-aggression. *Personality and Individual Differences*, 75: 41–46.

Peterson J., Densley J. (2017) Cyber violence: what do we know and where do we go from here? *Aggression and violent behavior*, 34: 193–200.

Pieschl S., Kourteva P., Stauf L. (2017) Challenges in the evaluation of cyberbullying prevention—insights from two case studies. *International Journal of Developmental Science*, 11(1–2): 45–54.

Savage M.W., Tokunaga R.S. (2017) Moving toward a theory: testing an integrated model of cyberbullying perpetration, aggression, social skills, and internet self-efficacy. *Computers in Human Behavior*, 71: 353–361.

Schachter S. (1964) The interaction of cognitive and physiological determinants of emotional state. *Advances in experimental social psychology*, 1: 49–80.

Sest N., March E. (2017) Constructing the cyber-troll: psychopathy, sadism, and empathy. *Personality and Individual Differences*, 119: 69–72.

Smith R.C. (2013) Discovery and compulsion: how regulatory and litigation issues relating to intellectual property rights are challenging the fundamental right to the protection of personal data. *Queen Mary Journal of Intellectual Property*, 3(1): 2–21.

Solomontos-Kountouri O., Konstantionos T., Petra G., Dagmar S. (2017) Academic, socio-emotional and demographic characteristics of adolescents involved in traditional bullying, cyberbullying, or both: looking at variables and persons. *International Journal of Developmental Science*, 11(1–2): 19–30.

Steffgen G., König A., Pfetsch J., Melzer A. (2011) Are cyberbullies less empathic? Adolescents' cyberbullying behavior and empathic responsiveness. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 14(11): 643–648.

Taylor S.H., Hinck A.S., Lim H. (2017) An experimental test of how selfies change social judgments on Facebook. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 20(10): 610–614.

Wang C., Ryoo J.H., Swearer S.M., Turner R., Goldberg T.S. (2017) Longitudinal relationships between bullying and moral disengagement among adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, 46(6): 1304–1317.

Wegener D.T., Petty R.E. (1998) The naive scientist revisited: naive theories and social judgment. *Social Cognition*, 16(1): 1–7.

Wegge D., Vandebosch H., Eggermont S., Pabian S. (2016) Popularity through online harm: the longitudinal associations between cyberbullying and sociometric status in early adolescence. *The Journal of Early Adolescence*, 36(1): 86–107.

Weiner B. (1985) An attributional theory of achievement motivation and emotion. *Psychological review*, 92(4): 548.

Weiser E.B. (2015) #Me: Narcissism and its facets as predictors of selfie-posting frequency. *Personality and Individual Differences*, 86: 477–481.

Valkenburg, Patti M., Jochen P., Walther J. B. (2016) Media effects: theory and research. *Annual Review of Psychology*, 67(1): 315–338.

You S., Lee Y., Kim E. (2016) Physical, social, and cyberbullying: relationships with adolescents' psychosocial factors. *Child Indicators Research*, 9(3): 805–823.

Zhou Y., Zheng W., Gao X. (2018) The relationship between the big five and cyberbullying among college students: the mediating effect of moral disengagement. *Current Psychology*, 37(1): 1–12.

Источники

Анорекия [https://vk.com/sovershenstvuy?w=wall-45009878_13989] (дата обращения: 01.10.2018).

Проект 5–100 [<https://www.5top100.ru/>] (дата обращения: 01.10.2018).

Выражение благодарности

Хочу выразить благодарность моему научному руководителю к.с.н. Андрею Вячеславовичу Быкову за его советы, высказанные в процессе реализации исследования и работы над текстом статьи.

WHEN INSULT IS INTERPRETED AS A JOKE? PERSONAL AND SITUATIONAL FACTORS OF CYBERBULLYING BYSTANDER MORAL DISENGAGEMENT

Oxana Mikhailova

(oxanamikhailova@gmail.com)

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Citation: Mikhailova O. (2019) *Kogda oskorbleniye vosprininmayetsa kak shutka? Personalnyye i situativnyye factory otklyucheniya moralnoy otvetstvennosti svidetelya kiberbullinga [When insult is interpreted as a joke? Personal and situational factors of cyberbullying bystander moral disengagement]. Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(2): 55–92 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.2.3>*

Abstract. This article discusses results of experimental study of the factors which are engaged in ascription of the different motivations to the bystanders of cyberbullying. This process could be interpreted as one the possible mechanism which influences the moral disengagement. It was supposed that the process of motives ascription is affected

by personal characteristics of the author of the communicative product (message) and psychological peculiarities of the member of the experiment. Personal factors were selected on the basis of behavioral studies of witness of cyberbullying. Situational factors were chosen also on the basis of the previous studies; in addition the author used attributional approach for the explanation of common sense. The hypotheses were tested in the factorial experiment. This experiment took place in the August of 2018 in groups of students on the Russian social network «Vkontakte». The between-subjects experimental design with 12 scenarios was used. 460 students participated. The results of the study show that the higher the level of narcissism of the person the more eager is he / she to attribute cyberbullying to the user of the social network. Participants of the experiment with high levels of machiavellism and psychopathy ascribe the same behavior to the trolling. Age and narcissism of the message author also were significantly connected with the process of motive attribution. The results of this study broaden the knowledge about the behavior of bystanders in the Russian segment of the Internet.

Keywords: cyberbullying, cyberbullying bystander, attributive approach, factorial experiment, moral disengagement.

Acknowledgments

I would like to thank my supervisor A.V. Bykov for his advice throughout this project.

References

- Abramov R.N., Devyatko I.F., Kozhanov A.A. (2011) Obydennoye znaniye o distributivnoy spravedlivosti: metodicheskoye issledovaniye sravnimosti vnutri-sub'yektnykh i mezhsob'yektnykh eksperimental'nykh planov [Ordinary knowledge of distributive justice: a methodological study of the comparability of between-subject and within-subject experimental designs]. *Rossiya Reformiruyushchayasya* [Russia Reforming], 10: 22–43 (in Russian).
- Ali F., Amorim I.S., Chamorro-Premuzic T. (2009) Empathy deficits and trait emotional intelligence in psychopathy and machiavellianism. *Personality and Individual Differences*, 47(7): 758–762.
- Akulich M.M. (2012) Trolling v sotsial'nykh setyakh: vozniknoveniye i razvitiye [Trolling in social networks: the emergence and development]. *Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhyby Narodov Seriya Sotsiologiya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Sociology Series], 3: 30–37 (in Russian).
- Ang R.P., Goh D.H. (2010) Cyberbullying among adolescents: the role of affective and cognitive empathy, and gender. *Child Psychiatry and Human Development*, 41(4): 387–397.
- Balakrishnan V. (2018) Actions, emotional reactions and cyberbullying — from the lens of bullies, victims, bully-victims and bystanders among Malaysian young adults. *Telematics and Informatics*, 35(5): 1190–1200.
- Balakrishnan V., Fernandez T. (2018) Self-esteem, empathy and their impacts on cyberbullying among young adults *Telematics and Informatics*, 35(7): 2028–2037.

Baranov, A.A., Rozhina S.V. (2017) Fizicheskaya kul'tura i sport kak faktory razvitiya stressoustoychivosti i preventsii podrostkovogo kiberbullinga [Physical culture and sport as factors for the development of stress tolerance and prevention of adolescent cyberbullying.]. *Teoriya i Praktika Fizicheskoy Kul'tury* [Theory and Practice of Physical Culture], 1: 24–25 (in Russian).

Baranov A.A., Rozhina S.V. (2016) Koping-strategii podrostka v situatsii kiberbullinga [Teen coping strategies in a cyberbullying situation.]. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya «Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika»* [Bulletin of Udmurt University. Series “Philosophy. Psychology. Pedagogy”], 26(2): 37–46 (in Russian).

Barlett C., Coyne S.M. (2014) A meta-analysis of sex differences in cyber-bullying behavior: the moderating role of age: sex differences in cyber-bullying. *Aggressive Behavior*, 40(5): 474–488.

Baughman H.M., Dearing S., Giammarco E., Vernon P.A. (2012) Relationships between bullying behaviours and the Dark Triad: A study with adults. *Personality and Individual Differences*, 52(5): 571–575.

Bem D.J. Self-perception theory (1972). *Advances in Experimental Social Psychology*, 6: 1–62.

Betts L. R., Gkimitzoudis A., Spenser K.A., Baguley T. (2017) Examining the roles young people fulfill in five types of cyber bullying. *Journal of Social and Personal Relationships*, 34(7): 1080–1098.

Bochaver A.A., Khlomov K.D. (2014) Kiberbullying: travlya v prostranstve sovremennykh tekhnologiy [Cyberbullying: persecution in the space of modern technologies]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 11(3): 177–191 (in Russian).

Biolcati R., Passini S. (2018) Narcissism and self-esteem: different motivations for selfie posting behaviors. *Cogent Psychology*, 5(1): 1–12.

Bishop J. (2013) The art of trolling law enforcement: a review and model for implementing ‘flame trolling’ legislation enacted in Great Britain (1981–2012). *International Review of Law Computers and Technology*, 27(3): 301–318.

Böhm G., Pfister H.-R. (2015) How people explain their own and others' behavior: a theory of lay causal explanations. *Frontiers in Psychology*, 6: 1–15.

Brown R.P., Zeigler-Hill V. (2004) Narcissism and the non-equivalence of self-esteem measures: a matter of dominance? *Journal of Research in Personality*, 38(6): 585–592.

Buckels E.E., Trapnell P.D., Paulhus D.L. (2014) Trolls just want to have fun. *Personality and Individual Differences*, 67: 97–102.

Buelga S., Martínez-Ferrer B., Cava M. (2017) Differences in family climate and family communication among cyberbullies, cybervictims, and cyber bully-victims in adolescents. *Computers in Human Behavior*, 76: 164–173.

Castells M. (2007) Communication, power and counter-power in the network society. *International Journal of Communication*, 1(1): 238–266.

Cheng J., Bernstein M., Danescu-Niculescu-Mizil C., Leskovec J. (2017) Anyone can become a troll: causes of trolling behavior in online discussions. *CSCW Conf Comput Support Coop Work*, 1(17): 1217–1230.

Craker N., March E. (2016) The dark side of Facebook: The Dark Tetrad, negative social potency, and trolling behaviours. *Personality and Individual Differences*, 102: 79–84.

Cuadrado-Gordillo I., Fernández-Antelo I. (2016) Adolescents' perception of the characterizing dimensions of cyberbullying: differentiation between bullies' and victims' perceptions. *Computers in Human Behavior*, 55: 653–663.

Devyatko I.F., Gavrillov K. A. (2015) Obydennyye suzhdeniya o prichinnosti i vine za neprednamerennyye negativnyye posledstviya deystviy: eksperimental'nyy podkhod k otsenke vliyaniya [Ordinary judgments about causality and guilt for unintended negative consequences of actions: an experimental approach to assessing influence]. *Obydennoye i nauchnoye znaniye ob obshchestve vzaimovliyaniya i rekonfiguratsii* [Ordinary and scientific knowledge about the society of mutual influence and reconfiguration]. Moscow: Progress-Traditsiya: 217–231 (in Russian).

Devyatko I.F. (2011) V storonu spravedlivosti: eksperimental'noye issledovaniye vzaimosvyazi mezhdru deskriptivnym obydennym znaniyem i vospriyatiyem distributivnoy spravedlivosti [Towards Justice: An Experimental Study of the Relationship Between Descriptive Ordinary Knowledge and the Perception of Distributive Justice.]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2(14): 139–164 (in Russian).

Fan C., Chu X., Zhang M., Zhou Z. (2016) Are narcissists more likely to be involved in cyberbullying? Examining the mediating role of self-esteem. *Journal of Interpersonal Violence*, 34(15): 1–24.

Fichman P., Sanfilippo M.R. (2016) *Online trolling and its perpetrators: under the cyberbridge*. Lanham: Rowman & Littlefield.

Fichman P., Sanfilippo M.R. (2015) The bad boys and girls of cyberspace: how gender and context impact perception of and reaction to trolling. *Social Science Computer Review*, 33(2): 163–180.

Fox J., Rooney M.C. (2015) The Dark Triad and trait self-objectification as predictors of men's use and self-presentation behaviors on social networking sites. *Personality and Individual Differences*, 76: 161–165.

Gahagan K., Vaterlaus J.M., Frost L.R. (2016) College student cyberbullying on social networking sites: conceptualization, prevalence, and perceived bystander responsibility. *Computers in Human Behavior*, 55: 1097–1105.

Geel M. Van, Goemans A., Toprak F., Vedder P. (2017) Which personality traits are related to traditional bullying and cyberbullying? A study with the Big Five, Dark Triad and sadism. *Personality and Individual Differences*, 106: 231–235.

Golf-Papez M., Veer E. (2017) Don't feed the trolling: rethinking how online trolling is being defined and combated. *Journal of Marketing Management*, 33(15–16): 1–19.

Golovanova N.A. (2018) Problemy bor'by s bullingom: zakonodatel'noye resheniye [Problems of fighting with bullying: a legislative solution.]. *Zhurnal Rossiyskogo Prava* [Journal of Russian Law], 8: 113–123 (in Russian).

González-Cabrera J., Calvete E., Leon-Mejia A., Perez-Sancho C., Peinado J.M. (2017) Relationship between cyberbullying roles, cortisol secretion and psychological stress. *Computers in Human Behavior*, 70: 153–160.

Gumpel T.P., Wiesenthal V., Söderberg P. (2015) Narcissism, perceived social status, and social cognition and their influence on aggression. *Behavioral Disorders*, 40(2): 138–156.

Halpern D., Valenzuela S., Katz J.E. (2016) “Selfie-ists” or “Narci-selfiers”? A cross-lagged panel analysis of selfie taking and narcissism. *Personality and Individual Differences*, 97: 98–101.

Hardaker C. (2013) “Uh. ... not to be nitpicky,,,,,but...the past tense of drag is dragged, not drug”: An overview of trolling strategies. *Journal of Language Aggression and Conflict*, 1(1): 58–86.

Hayes B.E. (2018) Bystander intervention to abusive behavior on social networking websites. *Violence Women*, 25(14): 1–22.

Heider F. (2013) *The psychology of interpersonal relations*. New York: Psychology Press.

Ivanova K.A., Stepanov A.A., Nemchinova Ye.V. (2018) Nравственность v seti: pravovaya i nepravovaya otsenka informatsii pri realizatsii pol'zovatelyami prava na svobodu vyrazheniya mneniya [Online morality: legal and non-legal assessment of information when users exercise the right to freedom of expression]. *Rossiyskoye Pravo: Obrazovaniye. Praktika. Nauka* [Russian Law: Education. Practice. Science], 5(107): 65–70 (in Russian).

Jane E.A. (2015) Flaming? What flaming? The pitfalls and potentials of researching online hostility. *Ethics and Information Technology*, 17(1): 65–87.

Jones E.E., Davis K.E. (1965) From acts to dispositions the attribution process in person perception. *Advances in experimental social psychology*, 2: 219–266.

Kelley H.H. (1967) Attribution theory in social psychology. *Nebraska symposium on motivation*. Nebraska: University of Nebraska Press.

Kholyavin A. O. (2016) Metod fokus-gruppy i rolevaya igra: potentsial i ogranicheniya v issledovanii sotsial'no chuvstvitel'nykh problem [Focus group method and role-playing game: potential and limitations in the study of socially sensitive problems]. *Laboratorium [Laboratorium]*, 8(1): 107–119 (in Russian).

Klempka A., Stimson A. (2014) Anonymous communication on the internet and trolling. *Concordia Journal of Communication Research*, 1: 1–43.

Kokkinos C.M., Antoniadou N., Markos A. (2014) Cyber-bullying: an investigation of the psychological profile of university student participants. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 35(3): 204–214.

Kornilova T.V., Kornilova S.A., Talmach M.S. (2015) Metodika diagnostiki lichnostnykh chert “Temnoy triady”: aprobatsiya oprosnika “Temnaya dyuzhina” [“The Dark Triad” personality trait diagnostic technique: approbation of the “Dark dozen” questionnaire]. *Psikhologicheskii Zhurnal* [Psychological Journal], 2(36): 99–112 (in Russian).

Kozyrkov V.P., Pridatchenko M.V., Kirina O.A. (2018) Raskrytiye potentsiala sotsial'nykh setey kak napravleniye sovremennoy kul'turnoy politiki [Unlocking the potential of social networks as a direction of modern cultural policy]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta Im. NI Lobachevskogo. Seriya «Sotsial'nyye Nauki»* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series “Social Sciences”], 3(51): 66–74 (in Russian).

Kowalski R.M., Giumetti R.M., Schroeder G.W., Lattenner A.N., Micah R. (2014) Bulling in the digital age: a critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth. *Psychological bulletin*, 140(4): 1073–1137.

Krämer N.C., Feurstein M., Kluck J.P., Meier Y., Rother M., Winter S. (2017) Beware of selfies: the impact of photo type on impression formation based on social networking profiles. *Frontiers in Psychology*, 8: 1–14.

Kyriacou C., Zuin A. (2016) Cyberbullying and moral disengagement: an analysis based on a social pedagogy of pastoral care in schools. *Pastoral Care in Education*, 34(1): 34–42.

Lampridis E. (2015) Stereotypical beliefs about cyber bullying: an exploratory study in terms of myths. *Universal Journal of Educational Research*, 3(2): 135–147.

Locke K.D. (2009) Aggression, narcissism, self-esteem, and the attribution of desirable and humanizing traits to self versus others. *Journal of Research in Personality*, 43(1): 99–102.

Machackova H., Görzig A. (2015) Cyberbullying from a socio-ecological perspective. *Media@LSE Working Paper*, 36: 1–37.

Milosevic T., Livingstone S. (2018) *Protecting children online?: Cyberbullying policies of social media companies*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.

March E., Grieve R., Marrington J., Jonason P.K. (2017) Trolling on Tinder® (and other dating apps): examining the role of the Dark Tetrad and impulsivity. *Personality and Individual Differences*, 110: 139–143.

Mishna F., Cook C., Saini M., Wu M.J., MacFadden R. (2011) Interventions to prevent and reduce cyber abuse of youth: a systematic review. *Research on Social Work Practice*, 21(1): 5–14.

Nesi J., Choukas-Bradley S., Prinstein M.J. (2018) Transformation of adolescent peer relations in the social media context: part 1—a theoretical framework and application to dyadic peer relationships. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 21(3): 267–294.

Orue I., Calvete E. (2016) Psychopathic traits and moral disengagement interact to predict bullying and cyberbullying among adolescents. *Journal of interpersonal violence*, 11: 1–20.

Pabian S. (2015) *A developmental perspective on personal and situational predictors and outcomes of adolescent cyberbullying perpetration: A longitudinal examination*. Antwerpen: Universiteit Antwerpen.

Pabian S., De Backer C.J.S., Vandebosch H. (2015) Dark Triad personality traits and adolescent cyber-aggression. *Personality and Individual Differences*, 75: 41–46.

Peterson J., Densley J. (2017) Cyber violence: what do we know and where do we go from here?. *Aggression and violent behavior*, 34: 193–200.

Pieschl S., Kourteva P., Stauf L. (2017) Challenges in the evaluation of cyberbullying prevention—insights from two case studies. *International Journal of Developmental Science*, 11(1–2): 45–54.

Pogontseva D.V. (2019) Bulling svyazanny s vneshnim oblikom [Bulling associated with the appearance]. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* [The azimuth of scientific research: pedagogy and psychology], 1(26): 359–361 (in Russian).

Rodionova M.N. (2018) Sotsiokul'turnyye faktory kiberbullinga v khudozhestvennoy refleksii sovremennogo zarubezhnogo kinematografa [Socio-cultural factors of cyberbullying in the artistic reflection of modern foreign cinema]. *Gumanitarnyye*

Vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo [Humanitarian Gazette TSPU L.N. Tolstoy], 3–2(27): 142–156 (in Russian).

Savage M.W., Tokunaga R.S. (2017) Moving toward a theory: testing an integrated model of cyberbullying perpetration, aggression, social skills, and internet self-efficacy. *Computers in Human Behavior*, 71: 353–361.

Schachter S. (1964) The interaction of cognitive and physiological determinants of emotional state. *Advances in experimental social psychology*, 1: 49–80.

Sest N., March E. (2017) Constructing the cyber-troll: psychopathy, sadism, and empathy. *Personality and Individual Differences*, 119: 69–72.

Smith R.C. (2013) Discovery and compulsion: how regulatory and litigation issues relating to intellectual property rights are challenging the fundamental right to the protection of personal data. *Queen Mary Journal of Intellectual Property*, 3(1): 2–21.

Soldatova G.U., Chigarkova S., Lvova Ye.N. (2017) Onlayn-agressiya i podrostki: rezul'taty issledovaniya shkol'nikov Moskvy i Moskovskoy oblasti. [Online aggression and adolescents: research results of schoolchildren in Moscow and the Moscow region]. *Epokha Nauki* [The Age of Science], 12: 103–109 (in Russian).

Solomontos-Kountouri O., Konstantionos T., Petra G., Dagmar S. (2017) Academic, socio-emotional and demographic characteristics of adolescents involved in traditional bullying, cyberbullying, or both: looking at variables and persons. *International Journal of Developmental Science*, 11(1–2): 19–30.

Steffgen G., König A., Pfetsch J., Melzer A. (2011) Are cyberbullies less empathic? Adolescents' cyberbullying behavior and empathic responsiveness. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 14(11): 643–648.

Taylor S.H., Hinck A.S., Lim H. (2017) An experimental test of how selfies change social judgments on Facebook. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 20(10): 610–614.

Valkenburg, Patti M., Jochen P., Walther J. B. (2016) Media effects: theory and research. *Annual Review of Psychology*, 67(1): 315–338.

Vasil'yev T. (2016) Negativnyye aspekty virtual'noy kommunikatsii i ikh pastyrskaya otsenka [Negative aspects of virtual communication and their pastoral assessment]. *Khristianskoye Chteniye* [Christian Reading], 6: 311–329 (in Russian).

Wang C., Ryou J. H., Swearer S. M., Turner R., Goldberg T. S. (2017) Longitudinal relationships between bullying and moral disengagement among adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, 46(6): 1304–1317.

Wegener D.T., Petty R.E. (1998) The naive scientist revisited: naive theories and social judgment. *Social Cognition*, 16(1): 1–7.

Wegge D., Vandebosch H., Eggermont S., Pabian S. (2016) Popularity through online harm: the longitudinal associations between cyberbullying and sociometric status in early adolescence. *The Journal of Early Adolescence*, 36(1): 86–107.

Weiner B. (1985) An attributional theory of achievement motivation and emotion. *Psychological review*, 92(4): 548.

Weiser E.B. (2015) #Me: Narcissism and its facets as predictors of selfie-posting frequency. *Personality and Individual Differences*, 86: 477–481.

You S., Lee Y., Kim E. (2016) Physical, social, and cyberbullying: relationships with adolescents' psychosocial factors. *Child Indicators Research*, 9(3): 805–823.

Zhou Y., Zheng W., Gao X. (2018) The relationship between the big five and cyberbullying among college students: the mediating effect of moral disengagement. *Current Psychology*, 37(1): 1–12.

Zintsova A.S. (2014) Sotsial'naya profilaktika kiberbullinga [Social prevention of cyberbullying]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya «Sotsial'nyye Nauki»* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series "Social Sciences"], 3(35): 122–128 (in Russian).